

Продолжая отчаянно вырываться, Гу Шутун в итоге оказался на полу — туда его и поставил Фу Сьюэ. Едва коснувшись лапами земли, он тут же юркнул за дверь и, крадучись, направился к Цзян Ифэю.

Гостиная находилась недалеко от того места, где сидел Цзян Ифэй, только путь преграждал поворот. Пройдя половину, Гу Шутун нырнул в аккуратно подстриженный низкий кустарник и стал наблюдать за ним через щели в листве.

Цзян Ифэй держал в руке телефон, и на его лице читалось раздражение. Видимо, звонок оставался без ответа — он перезванивал раз за разом, пока наконец не швырнул аппарат на стол с досадой.

Телефон, ударившись о столешницу, звонко звякнул.

Гу Шутун мысленно поморщился: «Ой, аж телефону больно стало».

Цзян Ифэй застыл в задумчивости, подперев подбородок рукой, и выглядел весьма меланхолично.

Гу Шутун вспомнил их недавний разговор. Если «большой босс» тогда усмехнулся, значит, вряд ли одобрял того человека за «фаворитизм». А судя по ответу, где прозвучало что-то вроде «Чэнчэн, моя дорогая», вероятно, речь шла о предмете тайной влюблённости.

Сопоставив это с грустным видом гостя, Гу Шутун, не имеющий в таких делах ни малейшего опыта, мысленно цокнул языком: «Горькая любовь, что уж тут».

Цзян Ифэй предавался меланхолии всего несколько минут, как на стол подали еду. И тут Гу Шутуну посчастливилось наблюдать мгновенную перемену в его облике.

— Хи-хи, я с голоду помираю! Ох, как же вкусно пахнет!

Гу Шутун: «...»

Думал, человек ветреный и элегантный, а оказался — обычный дурачок с просторов сети.

Правда, ел он довольно изящно: не торопясь, тщательно пережёвывая, не издавая никаких подозрительных чавкающих звуков.

Но запах был просто невыносимо соблазнительным.

Гу Шутун невольно пустил слюну и даже вышел из кустов.

Цзян Ифэй заметил его и, широко улыбаясь, поманил:

— Иди сюда, иди! У меня тут вкусняшки!

Идти или нет — вот в чём вопрос. Гу Шутун раздумывал секунды три, после чего, совершенно забыв о принципах, рванул к столу, но осторожно остановился в метре-двух.

Цзян Ифэй поднял щипцами кусочек мяса и жестом подозвал его:

— Ну же! Толстячок!

Гу Шутун: «??? Что за чушь?»

Он скептически покосился на него, но, противясь внутреннему голосу, всё же приблизился.

Цзян Ифэй никогда не держал домашних животных, да и среди его знакомых никто этим не увлекался, поэтому он понятия не имел, можно ли собакам человеческую еду. Когда-то, навещая Чжэн Чэнсюня, снимавшегося в глухой деревне, он видел, как местные кормили кошек и собак объедками со стола. Те выглядели вполне здоровыми, так что он и не задумывался, решив, что собакам можно.

Гу Шутун: «Какая разница, можно или нет? Главное — есть!»

Не выдержав его трогательного, полного мольбы взгляда, Цзян Ифэй расстелил на земле салфетку и бросил на неё кусок мяса.

Гу Шутун: «...Э-э-э».

Не то чтобы было грязно, но смотреть на это ему почему-то стало неприятно.

— Что, не нравится? — заметив, что пёс не двигается, Цзян Ифэй бросил другую еду.

И снова философский вопрос встал перед Гу Шутуном: есть или не есть?

Он замер, а Цзян Ифэй продолжал настойчиво подбрасывать угощения.

Маленькая горка из разнообразных блюд постепенно выросла: красное мясо и зелёные овощи лежали слоями, распространяя аппетитный аромат.

Гу Шутун вспомнил, что, будучи человеком, тоже не брезговал едой, завернутой в салфетки. Так что стесняться тут нечего.

Есть!

Он подошёл к еде, вдохнул манящий запах и, широко раскрыв пасть, впился в кусок.

Впервые за долгое время попробовав нормальную пищу, Гу Шутун не смог сдержать слёз: «Ах-ах-ах, как же вкусно!»

Цзян Ифэй, успешно погладив мягкую собачью шерстку, самодовольно ухмыльнулся: «Нет ничего, что нельзя решить с помощью мяса. Если не помогает — просто дай больше».

Он продолжал есть и подкармливать Гу Шутуна, но это стало неудобно. Тогда Цзян Ифэй взял его и посадил на стол, без лишних раздумий выбрал почти пустую тарелку и сложил туда всё, что сам не доел.

Увидев ассорти блюд и даже рис, Гу Шутун был глубоко тронут и выразил Цзян Ифэю искреннюю благодарность:

— Ын-ын-ын! Спасибо, братан!

— Хы-хы-хы! Разбогатею — точно тебя не забуду!

Цзян Ифэй, умилившись до слёз, воскликнул:

— О господи, как же мило! Ешь больше!

Растрогавшись до дрожи, он снова бросил кусок мяса, но от волнения не удержал, и тот шлёпнулся на пол.

Собака тут же подошла и съела его.

Гу Шутун с полным спокойствием: «Не страшно — не слишком грязно, съел и не заболел!»

Вкусно!

Большой и маленький с аппетитом уплетали еду, и настроение у обоих было прекрасное.

Наевшись, Гу Шутун срыгнул, и Цзян Ифэй любезно вытер ему мордочку.

— Ын-ын-ын! Парень, теперь мы с тобой братья — и в горе, и в радости!

— Ын-ын-ын! Ладно, ты меня прикрой, ты теперь мой старший брат!

Цзян Ифэй, слушая его тонкий писк, с улыбкой потёр ему голову:

— Не за что, не за что.

Затем он поднял Гу Шутуна на руки:

— Пойдём, найдём твоего хозяина.

Хозяин, Фу Сьюэ, в это время разглядывал вещи, принесённые Цзян Ифэем. Оказалось, это было розовое платье для собаки.

Гу Шутун, заметив это, напрягся: «Дело плохо!»

Он начал яростно вырываться, пытаясь заставить Цзян Ифэя отпустить его, но тот оказался неумолим.

Чёрт! Получай!

— ...Ой! Больно! — вскрикнул Цзян Ифэй, почувствовав укус, но не ослабил хватку и поспешил передать Гу Шутуна Фу Сьюэ.

Фу Сьюэ злорадно заметил:

— Сам виноват.

Цзян Ифэй: «???»

Гу Шутун попытался повторить трюк, но Фу Сьюэ одной рукой зажал его короткую морду.

Гу Шутун, жалобно скуля: «Собачий мужик, отпусти!»

В отчаянии он попытался вывернуться из хватки Фу Сьюэ, но Цзян Ифэй двумя руками схватил его за шею.

Гу Шутун: «Да вы меня душите!»

Несмотря на то что короткие лапы Гу Шутуна больно били их, они вдвоём всё же смогли натянуть на него розовое платье с кружевами.

Как только наряд оказался на нём, они отпустили пса. Тот начал судорожно извиваться, пытаясь сбросить этот позорный предмет, но безуспешно.

Его психика рухнула!

Совершенно рухнула!

Фу Сюэ с интересом достал телефон и принялся делать снимки Гу Шутуна.

Разные позы, разные ракурсы — в основном с искажёнными гримасами и извивающимся телом.

Стиль выходил странным и до смешного глупым.

Закончив, он коварно открыл фронтальную камеру:

— Пипи, смотри, как ты мило выглядишь!

Увидев себя на экране, Гу Шутун превратился в кричалку: «Мило, блин, да ну тебя!»

Авторское примечание:

Подумал и решил выложить всё сразу.

Не очень доволен предыдущим содержанием, но не знаю, как исправить...

Фу Сюэ снова в расстройстве.

Потому что Гу Шутун снова его игнорирует.

В прошлый раз Гу Шутун злился пару дней, а теперь уже неделю, и никак не удаётся его успокоить. Настоящий маленький вредина.

Тем временем Фу Сюэ, бегая на беговой дорожке, размышляет, как уговорить этого вредина.

А Гу Шутун тем временем тупо смотрит телевизор.

Он включил случайный фильм под названием «Смертельная стена», где главный герой был белокожим и привлекательным, с уравновешенным характером.

Персонаж симпатичный, сюжет связный и без лишних затяжек.

Но фильм был ужасно страшным.

Гу Шутун пугался и прятался в подушку, но, желая следить за развитием событий, высовывал только свои хитрые глазки.

Проходящий мимо дворецкий: «...»

Дворецкий, заметив его движения, улыбнулся, решив, что это Фу Сюэ включил ему телевизор, и малыш просто развлекается.

В гостиной было тихо, только жуткая музыка разносилась по комнате. В фильме призрак и главный герой были уже на расстоянии одного поворота коридора.

В решающий момент!

Гу Шутун замер, боясь дышать, как вдруг чья-то большая рука коснулась его головы.

— Гав-гав-гав! А-а-а! — Гу Шутун резко вскочил, нырнул за подушку и, выглядывая через щель, увидел Фу Сьюэ.

...Чёрт!

Сердцебиение успокоилось, и Гу Шутун вылез, чтобы обругать его:

— Гав-гав-гав! Ты больной!

— Гав-гав-гав! Я чуть не умер! Собачий мужик!

Фу Сьюэ, несмотря на его сопротивление, успокаивающе погладил его по голове:

— Трусиска.

— Ау-ау-ау! Какое тебе дело!

Гу Шутун продолжил смотреть фильм, не обращая на него внимания.

Фу Сьюэ время от времени мешал ему, загораживая обзор, и Гу Шутун вынужден был двигаться в стороны, но тот не сдавался, продолжая досаждать, что сильно раздражало.

Фильм закончился под его назойливым вмешательством, и Гу Шутун был слегка расстроен, косясь на Фу Сьюэ.

С точки зрения Фу Сьюэ, собачьи глазки смотрели вверх, будто бы пёс строил ему рожи.

Он отмахнулся от этой смешной мысли, схватил малыша и тщательно погладил его с головы до хвоста.

В результате его рука оказалась покрыта собачьей шерстью.

Фу Сьюэ: «...»

<http://bllate.org/book/15954/1426637>